

«Я работаю клоуном»

**Новая программа
Андрея
Николаева**

В цирке, как и в театре, бывает так, что за несколько часов бытия на сцене актер становится зрителю бесконечно близким. Вот так почти всегда и происходит с клоуном Андреем Николаевым.

Клоуны бывают разные. История театра знает и жестоких, и язвительных, и циничных клоунов. Николаев — клоун мягкий и наивный. Даже нежный.

От его Андрюши — так зовут его героя — хотят, чтобы он вел себя примерно, согласно требованиям разумного, привычного (по крайней мере этого добивается его постоянный спутник, которого мы назовем Верзиллой). А Андрюша всегда ищет чего-то необыкновенного. Он видит это необыкновенное там, где другие его просто не замечают. Он не протаскает, каким может показаться. Он человек, открывающий чудо.

Вот Андрюша заметил девушку, летящую в воздухе, и не может не откликнуться на это волшебство: то помогает взлететь выше, то пытается поддержать, поймать.

Чудо должно наступить. Оно рядом, как бы утверждает своими эксцентриками клоун. Николаев делает трюк со шляпой. Вот он низко нагибается и, положив шляпу на спину, заставляет шляпу плясать, ползти выше и выше, пока она не садится на положенное ей место. И даже этот путь пройденный его шляпой, у Николаева является своего рода гротескным изображением совершенства чуда.

Чудотворчества юмор Ни-

колаева входят в каждый цирковой номер его новой программы «Я работаю клоуном». Николаев дает каждому номеру смысловой толчок, сопровождающий, травестирует, завершает номера или принимает в них непосредственное участие. Благодаря этому все пестрое и разнообразное действо на сцене приобретает единую драматургию, являясь выражением идеи внутренней свободы, богатства человеческих возможностей.

Николаев пародирует номер, исполняемый двумя акробатами-прыгунами не ради самой пародии. Он отказывается быть пересмешником. Он хочет помочь нам увидеть в том, что делают акробаты, несколько новых измерений. Вероятно, и без участия Николаева этот акробатический номер вызвал бы интерес. Мы увидели бы цирк, где все сложное делается легко и непринужденно. Но николаевская клоунада раздвигает традиционные рамки циркового волшебства.

Закончены ослепительные, изящно выполненные прыжки-полеты акробатов, и Андрюша взбирается на батут, чтобы вздремнуть. Его толкают, он подпрыгивает, все еще сонный, неловко барахтается, выкидывая в воздухе немислимые антраша, потом вдруг зажигается, познав прелесть полета, и с восторгом предается изучению акробатических трюков. Все это не только смешно. Николаев уводит нас в мир поэзии. Он не скрывает первоначального неумения и неловкости своего героя. Но вот Андрюша смело повторяет один из самых фантастических прыжков акробатов и, наконец, взлетает, воспаряется ввысь. Повторенные затем акробатами полеты вызывают у зрителей более богатые и сложные эмоции.

У клоуна Николаева нет маски. Создавая свои образы, он сознательно и весело воюет со всякого рода масками, которые то и дело норовят пристать к искусству клоунады. Он хочет, чтобы его Андрюша был прежде всего живым человеком. Даже в чисто фарсовых, буффонных трюках, в этюдах с жонглированием он не позволяет себе ограничиваться показом только технического совершенства. Везде должен быть ошутим живой человек. Как искренне рад Андрюша, когда какой-то зритель подает ему улетевающий в зал шарик жестом, полным природной грации, и как нежно повторяет клоун потом этот жест, стараясь передать всю его красоту!

Излюбленная Николаевым эксцентрика для него не самодовлеющее жанровое средство, а некий прием смещения, с помощью которого он стремится освободить зрителя от привычного взгляда на вещи и обнаружить в них скрытое, незаметное с первого взгляда.

Николаев-клоун — не просто «ловкий, обаятельный парень», «умница», «веселый озорник». Конечно, на сцене он много шалит, дерзит, смешивает нас невероятно. Но — и это особенно видно в его последней программе «Я работаю клоуном» — Николаев тяготеет не к беззаботной и легкой веселой шутке. Николаев — Андрюша — клоун лирико-философского склада. Когда люди теряют веру в смысл жизни, глумятся над красотой, то это причиняет ему боль. И тем сильнее его радость, когда в человеческих сердцах загорается чувство прекрасного.

Николаев зовет нас понять смысл красоты и возможность в нашей жизни чуда. Взгляните чуть повнимательнее на взаимоотношения Верзилы и

Андрюши, и вы заметите, что наш друг постоянно тяготеет к этим докучливым субъектам, то и дело пресекающим его шутки и выдумки. Андрюша лихо и лукаво сопротивляется диктату Верзилы. А свое расположение он отдает тем, кто приходит на сцену фокусничать, летать «до облаков», демонстрировать совершенное владение всевозможными трюками. Тем, кто причастен к чуду, посвящен в него.

Андрюша радуется нас своими победами, пусть они порой и незначительны, и комичны, как победа над Верзиллой или крокодилом, и продолжает смешить, выдумывать, шутить, рисковать. В одной из его песен (а Николаев, к тому же и отличный шансонье) не случайно говорится о том, как велико значение риска.

Новая его программа еще не совсем завершена и еще будет совершенствоваться. Пусть же и сам Андрей Николаев не теряет стремления к совершенствованию в его трудном деле клоунады, где серьезное и смешное, риск и бесстрашие тесно переплелись.

В. КОЛАЗИН.